

Му Цинцзя на мгновение замер, осознав:

— В тот день в храме Бессмертной Лисы ты слышал разговор между Гу Сяо и мной?

Хо Вэй, глядя вдаль на море облаков и лунный свет, без эмоций ответил:

— Он был прав. По крайней мере, частично.

— Боишься, что я сочту тебя хорошим человеком? — спросил Му Цинцзя.

Хо Вэй промолчал, что было равносильно согласию.

Он ожидал, что старший брат начнет допрашивать его о прошлом, но вместо этого Му Цинцзя рассмеялся, едва сдерживаясь.

— Младший брат, в вопросе толщины кожи ты действительно превзошел своих учителей. — Он, держась за живот, продолжал:

— Как ты думаешь, что я о тебе думаю? Разве я не знаю, кто ты такой? Ядовитый язык, жесткое сердце, вспыльчивый характер, старик-культуратор меча в возрасте семидесяти восьми лет.

Лицо Хо Вэя потемнело от смущения, но Му Цинцзя не останавливался:

— Не переживай. В моих глазах ты никогда не был добродетельным человеком, так что не стоит беспокоиться о разрушении имиджа, ха-ха.

Эти слова вызвали в Хо Вэе смешанные чувства. С одной стороны, он хотел выругаться и пнуть старшего брата с меча, с другой — в его сердце неожиданно возникла странная мягкость. Эта смесь мягкости и ярости создала теплый поток, который буквально окутал его дымом.

Самые противоречивые чувства в мире.

Продавец сахарных фигурок был прав: этот человек был для него как лиса-обольстительница.

И раздражающий, и очаровательный.

Му Цинцзя, видимо, тоже боялся, что младший брат в порыве гнева действительно скинет его с меча, поэтому с трудом сдержал смех, слегка кашлянул и серьезно сказал:

— Время позднее, нам пора заняться делами. Что думаешь, младший брат?

— Да, — сквозь зубы ответил Хо Вэй. — Старший брат совершенно прав.

Затем он щелкнул пальцами, и Меч Темного Мотылька резко пошел вниз. В ночной тишине раздался крик, постепенно затихающий вдали.

Когда Му Цинцзя наконец ступил на землю, его ноги едва держали. Получить отпор от младшего брата было заслуженно, но, раз Хо Вэй вышел из прошлых эмоций, его цель была достигнута.

Они остановились у подножия горы за пределами города, рядом с почтовой станцией. Напротив станции возвышались горы, молчаливо притаившиеся в ночи — это была Гора Гуяо.

— Войдем в горы на рассвете. — Хо Вэй, глядя на темные горы, сказал:

— Сначала проверим, что в тайной комнате.

— Хорошо, — согласился Му Цинцзя.

Для удобства путешественников даже ночью на станции горела масляная лампа. Их шаги разбудили обитателей конюшни, лошади в страхе зафыркали, забив копытами и звеня цепями.

— Кто там?! — крикнул один из конюхов, зажигая факел, другой последовал за ним, спеша к конюшне.

Му Цинцзя достал из амулета-оберега персик, который он вырастил днем, и сунул его самому крупному жеребцу. Пока тот грыз персик, он нежно погладил его по лбу и щекам.

Конюшня успокоилась.

После того как Му Цинцзя и Хо Вэй скрылись в темноте, два конюха с факелами подошли, но никого не нашли.

Один из них выругался:

— Пф, что за напасть в последнее время, все больше больных и мертвых лошадей. К концу месяца не знаю, как перед начальством отчитаться.

Другой добавил:

— Говорят, что это эпидемия, но при этом некоторые лошади выглядят невероятно упитанными. Странно.

Не найдя конокрадов, конюхи поругались и вернулись на скамейку отдыхать.

Му Цинцзя, услышав это, вспомнил о своих наблюдениях на закате: все вокруг увядало, только трава яо росла буйно.

Эта аномалия затронула не только людей.

Эта почтовая станция была средней по размеру, помимо обычной конюшни, там был ряд комнат для проживания и питания. Сейчас, когда градоправитель попал в беду, город был на осадном положении, и они не хотели привлекать внимание начальника станции, чтобы не создавать лишних проблем. Они выбрали пустую комнату и проникли внутрь через окно.

Му Цинцзя с сожалением осознал, что, следуя за младшим братом, он все больше привыкает к незаконному проникновению в чужие дома.

Талисман яркого света загорелся, заполняя комнату мягким холодным светом, освещая простую обстановку. Му Цинцзя достал инкрустированный шкаф из амулета-оберега и поставил его в центре комнаты.

Хо Вэй достал несколько сложенных листов бумаги из первого ящика, убедившись, что на них нет защитных заклинаний, он сжег веревку и начал читать.

Бумага была самой обычной для мира культивации, желтого цвета, а почерк был написан с помощью магии, самого простого вида.

Му Цинцзя тоже взял одно письмо и тщательно осмотрел его с помощью духовного ока, но писавший был очень осторожен, не оставив следов духовной энергии или магии. Перебирая бумагу, он заметил, что она была слегка неровной.

— Младший брат, посмотри сюда. — Он указал на это место Хо Вэю.

Хо Вэй взял письмо и осмотрел его, но ничего не нашел. Он погасил талисман яркого света, затем кончиком пальца зажег маленькое золотое пламя и медленно приблизил его к обратной стороне бумаги.

В темноте внезапно появился свет пламени, и под его ярким светом стало видно скрытое в текстуре бумаги клеймо в форме монеты.

— Что? — спросил Му Цинцзя, видя, что Хо Вэй долго молчит.

— Ничего, — спокойно ответил Хо Вэй.

Му Цинцзя глубоко вздохнул. С детства он больше всего не выносил такое поведение младшего брата: в сердце полно слов, а говорит только два-три.

Но в такие моменты нельзя давить, иначе он станет еще упрямее.

— Хороший младший брат. — Му Цинцзя подошел ближе, уткнувшись лицом в Хо Вэя, мягко сказал:

— Не скрывай, удовлетвори любопытство старшего брата, и к тому же — если вдруг что-то случится, лучше знать больше, чем меньше. Хм?

Его последний звук слегка взметнулся вверх, теплый и мягкий, что для Хо Вэя звучало как каприз.

Мужчина слегка моргнул, оттолкнул лицо Му Цинцзя и произнес два слова:

— Юэ Лу.

Му Цинцзя подсознательно понял, что это имя человека, и оно звучало знакомо.

— Юэ Лу?

— Он свободный мастер создания артефактов, использует Монеты девяти драконов как оружие. — Хо Вэй вернул письмо Му Цинцзя. — Здесь есть его метка.

Му Цинцзя вспомнил о остатках заклинания на марионетке и спросил:

— Его метка — это монета?

— Да, — ответил Хо Вэй.

— Ты думаешь, что это он тайно связывался с градоправителем? — спросил Му Цинцзя.

— Да, — снова ответил Хо Вэй.

— Странно. — Му Цинцзя сел на подстилку, скрестив ноги. — Этот человек хочет себя выдать или нет?

Хо Вэй поднял бровь, предлагая продолжить.

— На марионетке остатки заклинания имеют форму монеты, но внутри они изменены в трех стилях. Это письмо тоже, специально не оставило следов духовной энергии, но при этом добавило метку. — Му Цинцзя задумался. — Это сплошные противоречия и несостыковки.

Хо Вэй сказал:

— Он странный, действует непредсказуемо, без логики. Для него это нормально.

Му Цинцзя уловил нечто необычное:

— Ты знаешь Юэ Лу?

— Не близко. — Лицо Хо Вэя потемнело, и он стал говорить кратко.

Видя, что тот не хочет говорить, Му Цинцзя не стал настаивать:

— Ладно. Не близко, так не близко.

Он не ожидал, что Хо Вэй добавит:

— Он знает искусство марионеток и технику вселения духа. Твое возрождение связано с ним.

Затем он посмотрел на Му Цинцзя и серьезно предупредил:

— Но он также жаждет нового тела. Так что будь осторожен.

Му Цинцзя предположил:

— Значит, Древо возвращения души, украденное из Секты Сюань, на самом деле было похищено Юэ Лу, который использовал технику вселения духа, чтобы принять твой облик?

— Нет. — Хо Вэй категорично ответил. — Он слаб и не может использовать технику вселения духа.

— Понятно. — Му Цинцзя сжал губы. — А каков Юэ Лу внешне?

Хо Вэй подумал и резюмировал:

— Низкий.

Му Цинцзя не мог не рассмеяться, чувствуя, что это ничего не объясняет. Но заставлять младшего брата, который плохо запоминает лица, описывать внешность слепому, действительно бессмысленно.

— Ладно, оставим это. — Му Цинцзя сказал. — Что написано в этих письмах?

Хо Вэй снова взял стопку писем и, быстро просматривая, ответил:

— Разные заклинания и массивы, от простых до сложных.

Авторское примечание:

То сладкие речи, то нежные чувства, а в итоге дошли до того, что чуть не сломали друг другу

руки. Звучит одновременно глупо и жутко, ха-ха-ха. Что за ядовитая парочка у меня получилась!

Вот это ты, старший брат!

ООС сцена:

Цинцзя: Собака, которая лижет, в конце концов получает свое.

Хо Вэй: +1?

Оба влюблены, но один слишком гордый, а другой слишком беспечный. Если бы они спокойно жили вместе, то, вероятно, никогда бы не признались в своих чувствах.

<http://bllate.org/book/16250/1461504>